

Текст: Миша Мельниченко, кандидат исторических наук, с.н.с. ИИиА УрО РАН, ведущий рубрики; Алексей Сенокшин, аспирант МГУ, редактор сайта «Прожито»

Второй год «Родина» сотрудничает с удивительным сайтом «Прожито» (proznito.org), на котором собрано более 1850 дневников россиян XIX–XX веков. Июньская подборка посвящена героическому труду медиков в мирное время и на войне.

Стилистика и орфография авторов сохранены.

«Я ДАЛ СВОЮ КРОВЬ, ПРИЧЕМ, ЕЕ У МЕНЯ ВЗЯЛА ВРАЧ ЛЕЙКИНА...»

СВИДЕТЕЛЬСТВА ИЗ ЛИЧНЫХ ДНЕВНИКОВ МЕДИКОВ И ПАЦИЕНТОВ МИНУВШЕГО СТОЛЕТИЯ

О

1918 ГОД

Ольга Сиверс

24 августа/6 сентября. У нас тут какая-то по-вальная болезнь, вероятно занесенная немцами, они называют ее испанским гриппом. Температура повышается до 40 градусов, чувствуется большая слабость, головная боль, кашель. Оба наши хутора переболели этим гриппом, но смертельных случаев, слава Богу, мало. Нас до сих пор Бог милует, вероятно же, потому, что я строго запретила Марье Леопольдовне навещать больных и не велела никого пускать в кухню. Довольно и того, что Марья Леопольдовна, вскрывая нарывы, сама заразилась и заразила бедную маму, у которой сделались вередя на спине.

21-го уехал Аксельрод, и лошади, увезшие его, привезли на другой день доктора Капельовича. Когда доктор пришел вечером к маме, она уже спала и, проснувшись, сказала: «Ich bin jetzt in einer ganz anderer Gegend, aber in einer schönen Gegend [Я сейчас где-то в другом месте, но в очень красивом (нем.)]». Эта осмысленная фраза, выражавшая совершенную правду, нас очень удивила. Мы так привыкли последнее время к тому, что бедная мама произносит только отдельные несвязные слова или даже ничего не значащие звуки! [...]

Публикация подготовлена М.А. Мельниченко за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00221).

НЕ ЗРЯ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ТРУД
СТРАНА ОКРУЖИЛА ПОЧЕТОМ, -
ЗДОРОВЬЮ НАРОДА ОНИ ОТДАЮТ
СВОЁ МАСТЕРСТВО И ЗАБОТУ.

1924 ГОД

Сергей Прокофьев

25 мая. [...] Price совершенно умирал от болезни сердца, и когда доктор отказался, за него взялся Christian scientist, который его совершенно вылечил. Это произвело на нас большое впечатление.

1926 ГОД

Корней Чуковский

24 января. [...] Ратнер, ученик Бехтерева — специалист по внутренней секреции. Живет он на Фурштатской в убогой роскоши начинающего врача, жезлающего казаться знаменитым и пускать людям пыль в глаза. Я пришел не в урочный час. Он принял меня как своего лучшего друга и стал огорошивать меня целым рядом вопросов, каких обычно не задают никакие врачи:

- Покажите ваш пупок. Ага!
- Нет ли у вас новых бородавок?
- Не чувствуете ли вы, что во сне ваши руки растут до потолка?

Очень долго изучал мои подмышки и сказал, что его чрезвычайно интересует мой нос.

Потом стал спрашивать меня о «Крокодиле», так как его интересуют «процессы моего творчества».

Я ожидал блестящего диагноза, но он после долгого думанья сказал, чтобы я не принимал душа Шарко (которого я никогда и не собирался принимать!)

Потом он прибавил, что у меня молодые глаза, и, ловко поймав питирублевку, счел свою миссию выполненной. [...]

1928 ГОД

Константин Ливанов

6 октября. Мать привезла дочку 12 лет, ученицу, заболевшую, по-видимому, гриппом: «Посмотри-ка, батюшка доктор, что с девчонкой-то сделали... в экую-то слякоть да грязь-то погнали в экскурсию. Вот уж ума-то у начальства ни астолько вот нет! Да еще хоть смотреть-то бы было на что, а то на завод «Металлист»: подумай! самый-то никудышный, говенный заводик, и смотреть-то там, как есть, нечего. А грязь-то по колени! Пришла домой-то, а в башмаках-то полно грязи, подол мокрехонек, а теперь вот лечите, пожалуйста». [...]

1929 ГОД

Федор Макаров

10 января. Прочел «Записки врача» Вересова. Интересно. Приоткрывает «врачебную тай-

ну» и очень правдиво и своевременно говорит, что врач — тоже человек. Если бы так же честно могли рассказать про себя учитель, агроном, юрист, инженер и т. д., можно бы более здоровую дорогу в жизни наметить юноше, соединив энергию и пылкую юность с опытом и ошибками других в жизни. [...]

Мариэтта Шагинян

14 июля. Воскресенье. Был вечером доктор, сказал, что надо возобновить впрыскивания. За все это время я не видела почти ни одного умного врача, любящего свое дело и профессионально-пытливого. Делаю вывод: профессия эта чисто формальная, но до известной степени театральна, страшнейший трафарет жестов, под которыми ничего

ПОСМОТРИ-КА, БАТЮШКА ДОКТОР, ЧТО С ДЕВЧОНКОЙ-ТО СДЕЛАЛИ... В ЭКУЮ-ТО СЛЯКОТЬ ДА ГРЯЗЬ-ТО ПОГНАЛИ В ЭКСКУРСИЮ. ВОТ УЖ УМА-ТО У НАЧАЛЬСТВА НИ СТОЛЬКО ВОТ НЕТ!

*1
«Здоровью народа они отдают свое мастерство...» Плакат. 1975 год.

*2
Противохолерный плакат 1920-х годов.

*3
На приеме — беспризорники. 1920-е годы.

не скрывается, кроме привычки. Общая сумма знаний — на грош (на фельдшера). Уменья синтезировать — никакого. Странно, когда умный человек лечится у глупого врача, это все равно, как читать глупую и ненужную книгу.

1932 ГОД

Михаил Пришвин

9 октября. [...] Встретился Пет. Конст. Кочерыгин, доктор. Я ему показал свои пальцы: обжег реактивами, заживут и опять трескаются,

и опять заживают, и вот уже 4 месяца. — Нервы! — сказал доктор, — теперь масса болезней объясняется нервами, рак, подумайте, рак сплошь да рядом в 30 лет, и все от нервов, подумайте только, рак от нервов! И у вас это от рака, все от рака, ах, извините: от нервов, а сами знаете, нервы разве возможно лечить, надо условия переменить.

— Ну, — ответил я, — нервы в моем возрасте каждый должен сам лечить, вот возьму, уеду на охоту и вылечу. — Не вылечите! — засмеялся он и побежал лечить людей. Это последний из миган, последний из тех наших старых добрых бегунов-докторов. Ему, с утра до ночи имеющему дело с больными людьми, невозможно прославлять строительство. И в сущности «нервы» для него это «объективная причина», ссылка на злое время, своего рода протест. Приди я к нему, как обыватель, с трещинцей, он бы просто принялся лечить мне пальцы, чем-нибудь помазал бы, ну,

СИЛЬНАЯ ЭПИДЕМИЯ ГРИППА УЛОЖИЛА ПОГОЛОВНО ВСЕХ. ХАБАРОВ В ВАТНОМ СТЕГАНОМ КОМБИНЕЗОНЕ ЦЕЛЫМИ ДНЯМИ ХОДИТ ПО ЯРАНГАМ, ПРИНИМАЕТ БОЛЬНЫХ НА БАЗЕ, ВЫЕЗЖАЕТ В СЕЛЕНИЯ

хоти бы посоветовал носить резин, напальчнички и меньше раздражать кожу. Теперь же встреча со мной для него это отвод души, и «нервы» это не дело, а философия или политика. [...]

1934 ГОД

Катерина Сергеева

3 января. Только что приехавший на Чукотку Хабаров, являясь заведующим базой ГУСМП (Главного управления Северного морского пути), одновременно как врач, обслуживает все ближайшие селения. Сильная эпидемия гриппа,

*4
Туркменистан. «Не бойся, сынок, доктор добрый!»

*5
Казахстан. Медицинская бригада обследует жителей аула в Акмолинской области.

сопровожаемая тяжелыми осложнениями, уложила поголовно всех. В некоторых селениях число жителей-эскимосов уменьшилось на 25 процентов.

Александр Герасимович Хабаров — молодой, коренастый, с бодрой улыбкой на румянном лице. В коричневой финке и ватном стеганом костюме-комбинезоне, веселый, энергичный. Целыми днями ходит по ярангам, принимает больных у себя на базе, выезжает в селения.

1935 ГОД

Николай Устрялов

6 сентября. Сегодня на целый день ездил на станцию Яхрому, недалеко от Дмитрова, по приглашению знакомого врача-хирурга А.Л. Бусалова, очень милого и талантливого. Смотрел операцию (резекция желудка — рак), которую он делал. Трижды темнело в глазах, но до обморока не доходило: не допускал, выходил в соседнюю комнату. Операция проходила под местным наркозом, старик лежал и отвечал на вопросы. В один час — управились. По обычам отзывам, этот доктор — положительно виртуоз. [...]

1937 ГОД

Иван Папанин

24 августа. [...] Теодорыч еще не совсем оправился после злополучной колбасы. Ночью у него была рвота. Смотрю на Кренделя с тревогой: лицо у него зеленое, он осунулся и похудел. Наш врач Петр Петрович Ширишов ругается и кричит, что Теодорыч не выполняет его указаний. Он стоит в палатке и серьезно напоминает: — Если хочешь вернуться домой здоровым, знай: каждое мое слово должно быть для тебя законом. Иначе я не отвечаю за последствия.

Теодорыч очень любит свою семью, хочет, конечно, вернуться домой здоровым и торжественно дает обещание, что отныне все указания Петра Петровича будут им выполняться беспрекословно: он будет строго соблюдать режим. Теперь он уже не ест ни коржанков, ни шоколада, а готовит для себя «диетическое блюдо» — рисовую кашу. [...]

1938 ГОД

Иван Харкевич

5 июня. Я в Москве, письмо проф. Кузнецкого помогло, ложусь в клинику МГУ в урологическое отделение. Здесь я узнал, что значит квалификация по вопросам урологии. Простой лечащий врач сделал мне цистоскопию так, что через час у меня все было в порядке и я уже хо-

дил. В автозаводской больнице я 3 дня оправлялся после цистоскопии, в клинике Воддрава целый день лежал с грелкой, а здесь через час уже был в порядке. Условия хорошие, никакой диеты, мне все здесь нравится, и врачи и обстановка. Лечащий врач женщина, при всех осмотрах студентки, приходится терпеть: стыдно провалить чувство боли — обычно сжимаю зубы, да пот выступает. [...]

Константин Измайлов

30 июня. Четверг. Смоленское. Сегодня еще немного лучше себя чувствую от болезни. Утром

ходил в больницу. Опять осмотрела меня всего врач Гужавина. Дала свое заключение, чтобы вина мне совсем не пить. От вина надо отказаться. Так и сказала, что от вина, вам Измайлов, надо категорически отказаться, иначе вы не жилец. Помрешь скоро, сердце у тебя очень слабое. Вот и весь мой осмотр. Я, конечно, остался доволен словами врача Гужавиной. После этого случая болезни вино пить и табак курить не буду никогда! Постараюсь сохранить свое здоровье и свою жизнь.

1939 ГОД

Александр Розен

22 января. [...] Вчера был у зубного врача. Жуть! Пришел к 2-м часам. Он мне стал сверлить. Какая ужасная боль! Сначала ничего. Только неприятно. Потом постепенно боль начинает усиливаться. По мере усиления боли я ее (врачиху) сильнее тяну за рукав. Наконец я не могу больше терпеть и изо всех сил со стоном отдергиваю ее руку. Голова налита свинцом, я ничего не соображаю. Она начинает копать в зубе. Становится лучше. Так несколько раз. Наконец, она говорит:

— Иди, и часа в 4, 4.30 приходишь. Я хочу посоветоваться. У тебя очень интересный случай.

Ей-то хорошо — «интересный случай!»

А мне? [...] Прихожу опять к четверем. Подходит другая врачиха. У которой я был, говорит:

— Вот смотрите.

— Ты смотри.

— Надо вскрыть.

— Я немного вскрыла. Не хочу больше его мучить. Пошлю его туда (?)

— А какая разница? Ведь там (?) тоже вскроют. Уж лучше раньше!

— Хотите ему вскрыть?

— Давайте.

Пересели на другой стул. На подоконнике ждет какой-то мальчик. Она ему:

— Видишь, он (я!) плакать не будет.

Я:

— Не знаю — может буду. [...]

Начала она мне «вскрывать». У нее это не так, как у первой врачихи. Она сверлит рывками. Нажмет и отпустит. Часто дает немного отдохнуть. Наконец, сказала, что все. Притти надо 24-го утром. [...]

1941 ГОД

Ирина Дажина

22 августа. Жизнь проходит очень однообразно. С шести часов утра до шести-семи вечера мы на повседневных занятиях в школе медсестер (включая дорогу). При ежедневных ночных бомбежках порой отсиживаюсь в подвальном помещении, «обустроенном» под бомбоубежище.

*6 Студенты Сибирского медицинского университета на занятиях. Томск. 1928 год.

*7 Плакат 1930-х годов — на все времена!

А тут еще дня три-четыре назад со мной произошла неожиданная история. На одном из практических занятий на Пироговке во время обхода раненых я потеряла сознание. Стояла, слушала заключение врача, смотрела на повязки с кровавыми пятнами, и вдруг всё поплыло перед глазами. Очнувшись лежащей на больничной койке. В недоумении увидела вокруг себя обеспокоенные лица курсантов и даже самих больных, а на голове и на сердце — влажное полотенце. Ужасно была расстроена. Отчего это? Неужели органическая невозможность работы в медицине? Врач успокаивает: ничего, это бывает...

Решила проверить себя. А вдруг не смогу быть медсестрой?

Через несколько дней пошла в большую хирургическую аудиторию на одну из сложных операций — ампутацию ноги у молодой девушки. Специально села в первый ряд. Смо-

«В, 9
С плакатов — на фронт.

гом я никогда не работал и после окончания мединститута занимался научно-исследовательской и преподавательской работой, в процессе которой мне приходилось делать сложные, в том числе и полостные операции, но на животных. Когда я об этом сказал Сергиенко, он мне заявил: «Диплом врача у вас есть?» — «Да» говорю. «Приступайте к работе. Вы что, не видите, что делается?» Я, конечно, знал, что длительная необработка даже легких ран может привести к осложнению газовой гангренной.

Между тем к Георгию Павловичу подвинулась операционная сестра и слегка подтолкнула его. Георгий быстро склонился над раненым и пошла работа. За операционным столом он стоял уже около 2 суток и от времени до времени, находясь в таком положении, как и его застал, спал с открытыми глазами, пока его не выводили из этого состояния.

трела, смотрела, ни на минуту не отводя глаз. Выдержала. Значит, дело не «в органической невозможности». Просто, очевидно, устала и недоедаю. [...]

1942 ГОД

Иосиф Фридлянд

8 января. [...] В операционной рядом с поставленным для нас столом находился другой, за которым к моей радости оперировал Георгий Павлович. Когда я вошел в операционную, он стоял с широко раскрытыми глазами и протянутой вперед над раненым полусогнутой правой рукой со скальпелем. Со мной он не поздоровался, и я подумал — хорошо, что он рядом: в трудный момент Георгий даст необходимые указания. Дело в том, что хирур-

ЗА ОПЕРАЦИОННЫМ СТОЛОМ ГЕОРГИЙ ПАВЛОВИЧ СТОЯЛ УЖЕ ОКОЛО ДВУХ СУТОК И ОТ ВРЕМЕНИ ДО ВРЕМЕНИ СПАЛ С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ, ПОКА ЕГО НЕ ВЫВОДИЛИ ИЗ ЭТОГО СОСТОЯНИЯ

Николай Самарин

25 января, Ленинград. Я оперировал несчастную старушку в перевязочной приемного покоя. Эта комната считается наиболее теплой. Однако температура там была не выше 7°. Пар поднимался из брюшной полости, когда я ее вскрыл. Я вынужден был пойти на лапаротомию, так как ущемление уже длилось девять дней и в окружности грыжевого мешка была явная флегмона. Операцию я закончил при сравнительно хорошем общем состоянии моей пациентки. На третий день операции она погибла. По моему, она просто замерзла, так как в нашей послеоперационной палате температура около 0°.

Несмотря на такие условия существования наших больных, пациенты тем не менее поступают. Дежурные врачи в приемном покое всячески отговаривают поступающих от их безумного шага, но больные все-таки ложатся,

несмотря ни на что, объясняя, что дома у них еще хуже.

С моей точки зрения, больницы бесполезны, больные же в них еще стремятся. Идут сюда, веря, что здесь могут найти помощь. Хорошая слава, но сейчас мы живем только прошлым. Каждый день у ворот больницы утром можно найти труп человека. [...]

* 10
Полевой госпиталь:

* 11, 12
Ленинград. Больницы работали даже в зиму 1942 года...

Владимир Стеженский

28 июня. Сегодня прочел в газете то, что давно надеялся прочитать: доктор Сокольский, который вылечил меня от тифа, награжден медалью «За боевые заслуги». Я бы орден ему дал. Послал ему сегодня поздравительное письмо. [...]

Магдалина Буркина

23 июля. [...] В операционной на столе положили мужчину, лет 28 — это почти юноша с нежным бледным лицом, светлыми волосами, которые на лбу спутались и слились от пота, проступившего от страшной боли и сильного напряжения нервов.

Левое бедро совершенно раздроблено, рана рваная, грязная. Когда врач наклонился, чтоб осмотреть рану, больной приподнялся и умоляюще посмотрел на него: «Делайте со мной, что хотите, что только вам нужно, я всё выдержу, но не очень больно!» Нужно было большое усилие воли, чтоб удержаться от слёз.

Врач начал операцию. Раненый не издал ни звука, только до крови прикусил губы да сжал мою руку с такой силой, что, казалось, её зажали в стальные клещи, а из глаз его медленно текли крупные, прозрачные капли слёз.

После, когда мы его отнесли в палату, уло-

жили в постель, поставили ему на тумбочку чашку, он улыбнулся. И так стало радостно от этой улыбки, она была величайшей благодарностью и наградой.

Потом мы не выдержали, просили врача, чтоб он спас ему ногу. Тот ответил с горькой усмешкой: «Посмотрите, я белым стал потому, что за каждого страдаю, как за родного сына». Эти слова были настолько искренни, что только тогда, именно в этот момент, мне стало ясно, насколько благородна и высока работа хирурга.

Яков Полонский

30 июля. [...] Работать было очень трудно. После нескольких дней дождя операционная потекла. Пришлось завесить потолок клеёнкой на операционном столе. Раненого на столе предохранили, а хирургу капает на голову, за шею, на халат.

Нужен был донор, я просил военкома вызвать его. Военком прислал донора военного фельдшера Максимова в сопровождении военного врача Козырева на том основании, что другие врачи не смогут взять у неё кровь. Иными словами сделана попытка дискредитировать местных врачей. В ответ на это я дал свою кровь, причём, её у меня взяла врач Лейкина. [...]

*13
На выписку! Московский госпиталь. 26 октября 1942 года.

ЕЩЕ ПЯТЬ МИНУТ, И ОПЕРАЦИОННАЯ БЫЛА ОХВАЧЕНА ПЛАМЕНЕМ, А СПУСТЯ МИНУТ ДЕСЯТЬ ДОМ ОБВАЛИЛСЯ. УТОМЛЕННЫЙ ВРАЧ СИДЕЛ ОКОЛО ДЕРЕВА, НЕ ЗАМЕЧАЯ, ЧТО У НЕГО ТЛЕЕТ ХАЛАТ

1943 ГОД

Владимир Бастаков

23 февраля. На операционный стол был положен тяжело раненый комиссар полка старший батальонный комиссар тов. ГОЛЬДШТЕЙН. Операция шла уже минут десять, когда начался усиленный артиллерийский обстрел и от одного из снарядов загорелся дом, в котором происходила операция. Спасти здание было невозможно, скоро весь дом охватило пламенем. Комиссар медсанбата предложил врачам прекратить операцию. В ответ на это врач спокойно заявил:

— Жизнь командира в опасности, — я продолжаю операцию. — Все по местам! Слушайте меня.

Прошло еще около двадцати напряженных минут, а операция всё продолжалась. Огонь проник во все комнаты, приближаясь к операционной. Двери операционной хотя и были плотно закрыты, но дым стал в неё проникать, сдавливая дыхание находившихся в ней. Операция всё еще продолжалась. Наконец наложен последний шов. Врач быстро выпрямился и утомленно сказал: «Всё готово, немедленно выносите!». Жизнь комиссара была спасена. Через две-три минуты все покинули здание.

Еще каких-нибудь пять минут и весь дом был охвачен пламенем, а спустя минут десять обвалился. Утомленный врач сидел около дерева, не замечая, что у него тлеет халат. [...]

1944 ГОД

Ирина Дажина

29 марта. [...] Санитары работают как волю. Их выносливости и терпению — поражаюсь... Три человека — и сотни раненых, большинство из которых — носилочные. Двое суток без сна. Причем внимание, забота о бойце необычные. Смотрю, люблюсь и горжусь.

Александр Резяпкин

5 ноября. [...] Мокрые, грязные возвращаемся в восьмом часу в госпиталь. Дежурный врач на меня наел как командующий. Я дал ему высказаться, горячка с него слетела.

— Доктор! На черта мне нужна ваше лечение! Как только вы меня вылечите, меня расстреляют! Вы понимаете это? — Я коротко рассказал ему суть дела. Врач некоторое время молча глядел на меня, затем ласковым девичьим голосом стал уговаривать меня принять лекарство, стал измерять температуру.

1948 ГОД

Татьяна Терешенкова

17 мая. [...] После большого разговора с Идой и Кларой решила написать. Говорили, по существу, о медицине, о раке. Но сколько интересного, нового! Ида рассказала об одной операции *salvegy*. Вначале больному удалили нижнюю губу и лимфатические сосуды до первого ребра. Через 3 месяца он снова приходит к хирургу: рак на верхней губе. Ему удаляют и верхнюю губу, и всё до глаза. Остается костный покров, прикрытый кожей, которую вылушили, как пленочку. Проходит 3 месяца и вот, когда был врач на обходе, снова приходит этот больной: «Доктор, спасите меня!» Оказывается, опухоль уже пошла к носу, выше и в кость.

Врач сказал, что это очень серьезное дело, необходимо или лишиться половины костей лица, или — умереть. Да, соответственно, и в первом случае этот исход не является нереальным. Больной сказал, что согласен на все, но только чтобы спасти ему жизнь (видимо, больной был с головой и понимал, как никто, что жизнь это единственное полное счастье на земле). Так Ида сказала, что когда он делал эту третью операцию, половина студентов была в обмороке, настолько это было страшно, сгашно даже со слов.

1951 ГОД

Александр Дмитриев

21 июня. Только что вчера вернулся домой из больницы. Лежал в заводском стационаре на койке. Оказывается, у меня был аппенди-

цит, причем, очень серьезный. А получилось все так. 11-го ночью перед работой я зашел в медсанчасть. Там меня осмотрели и сразу направили в стационар. Утром, на другой день, оперировали. Операцию я выдержал, но зато потом очень мучился. Особенно когда начинался кашель. Лежал пять суток, не вставая. Вначале давали только масло да чай, потом стали давать жидкую кашку манную и компот или кисель. Через четверть суток дали сухарей немного. В обед давали куриный бульон. И только когда прошло 5 дней, начали давать хлеб и общий обед. Да и то мяса не давали. В уборную я не ходил семь с половиной суток.

В общем, аппендицит и вызываемая им операция — очень неприятная вещь.

Сейчас вот все числа до 1-го прохожу на больничном. Ничего тяжелого делать нельзя. Питаться тоже надо с оглянкой — что полегче. Это, конечно, все первое время, а потом все будет по-старому.

Стационар оборудован хорошо. У каждой кровати — радионаушники, кнопка звонка. Белье чистое. Обслуживание хорошее. Имеются книги. Во дворе — хороший садик, фонтан. В общем, это очень хорошее дело для больных рабочих, есть где полегчить и отдохнуть. Оперировал меня врач Грачев Конст[антин] Александр[ович]. Операция прошла хорошо и удачно. Да и вообще, он очень хороший, простой человек.

* 14, 15
Будем здоровы!

